

О.В. Белоусова

**ГРАФ С.Д. ШЕРЕМЕТЕВ И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II:
ИСТОРИЯ АУДИЕНЦИЙ**

O.V. Belousova

**COUNT S.D. SHEREMETEV AND EMPEROR NICHOLAS II:
NARRATIVE OF AUDIENCES**

Аннотация. В статье рассматриваются аудиенции видного сановника графа С.Д. Шереметева у императора Николая II. Шереметев, который был близок к императору Александру III и императрице Марии Федоровне, после перемены царствования в 1894 г. стремился выстроить доверительные отношения с новым монархом, и во многом это ему удалось. Новизна данного исследования заключается в том, что содержание многочисленных аудиенций графа возможно реконструировать только по его дневникам, которые вплоть до настоящего времени остаются неопубликованными и малоизученными из-за крайне сложного для расшифровки почерка Шереметева. Автором статьи исследованы описания около ста аудиенций, имевших место с восшествия на престол Николая II и до Первой мировой войны. Систематизировано их содержание: освещены обсуждавшиеся императором и графом вопросы, отмечены некоторые особенности поведения царя, которые открывались его собеседнику и которые привносят в стереотипные характеристики этой исторической личности новые черты. Разбираются аудиенции, посвященные обсуждению политических проблем. Благодаря оставленным Шереметевым детальным описаниям таких встреч становится возможным уточнить позицию царя по некоторым значимым вопросам. Среди них, например, конфликт тверского губернатора П.Д. Ахлестышева и министра внутренних дел И.Л. Горемыкина или особое расположение Николая II к министру внутренних дел Д.С. Сипягину, о чем хорошо был

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Belousova Olga Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-903-514-03-72; belousova.olga@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

осведомлен Шереметев, приходившийся министру родственником. Среди других тем аудиенций — связанные с политикой косвенно, в частности, деятельность Русского исторического общества и противостояние по поводу оценок событий прошлого. В этом же контексте описывается взаимная антипатия Шереметева и председателя этого общества А.А. Половцова. На материале проанализированных аудиенций делается важный вывод о ценностных расхождениях между графом и императором. Если первый крайне негативно воспринимал либеральные проявления правительственного курса нового царствования, то второй был гораздо большим реалистом и оказывался вынужденным закрывать глаза на реформистские начинания, которых требовала политическая ситуация.

Ключевые слова: император Николай II, граф С.Д. Шереметев, император Александр III, императрица Мария Федоровна, Д.С. Сипягин, А.А. Половцов, Русское историческое общество.

Abstract. The article examines the audiences of a prominent dignitary Count S.D. Sheremetev with Emperor Nicholas II. Sheremetev, who was close to Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna, after the enthronement of Nicholas II in 1894 sought to build trusting relations with the new monarch, and in many respects he succeeded. The novelty of this study lies in the fact that the content of the numerous audiences of the count can only be reconstructed from his diaries, which are still unpublished and little studied due to the Sheremetev's highly illegible handwriting. The author of the article has studied descriptions of about a hundred audiences that took place from the accession to the throne of Nicholas II and until the First World War. Their content is systematized: the author describes the issues discussed by the emperor and the count, and highlights some features of the tsar's behavior, which were noted by his interlocutor and which add new traits to the stereotypical characteristics of this historical personality. Audiences dedicated to the discussion of political problems are examined. Thanks to the detailed narration of such meetings left by Sheremetev, it becomes possible to clarify the tsar's position on some significant issues. Among them, for example, are the conflict between the Tver Governor P.D. Akhlyostyshev and the Minister of Internal Affairs I.L. Goremykin, or the special disposition of Nicholas II to the Minister of the Interior D.S. Sipyagin, which Sheremetev, who was a relative of the minister, was well informed about. Some other topics of the audiences are indirectly related to politics, in particular, the activities of the Russian Historical Society and debate about the assessment of past events. The diary puts the mutual antipathy of Sheremetev and the chairman of this society, A.A. Polovtsov in this context. Based on the analyzed audiences, an important conclusion is made about value differences which the count and the emperor had. The former extremely negatively perceived the liberal manifestations of the government course of the new reign, the latter was a much greater realist and was forced to turn a blind eye to the reformist undertakings that the political situation demanded.

Keywords: Emperor Nicholas II, Count S.D. Sheremetev, Emperor Alexander III, Empress Maria Fedorovna, D.S. Sipyagin, A.A. Polovtsov, Russian Historical Society.

Положение графа С.Д. Шереметева в годы царствования императора Николая II было уникальным. Он не занимал высоких государственных постов, которые предполагали бы регулярные аудиенции и представление всеподданнейших докладов, однако имел право личного доклада государю для отчета о деятельности Археологической комиссии и Иконописного комитета, находившихся под патронатом государя.

Но поводом для аудиенций была не только научная деятельность Сергея Дмитриевича. Привилегированное положение Шереметева при дворе и доверительные — хотя вместе с тем и сложные — отношения с императором снискали ему репутацию осведомленного и влиятельного вельможи. Неслучайно в «Петербургской газете» в 1907 г. говорилось о силе влияния Шереметева в годы царствования Александра III, утверждалось, что якобы бывший министр внутренних дел Д.С. Сипягин был обязан ему своей карьерой, а также отмечалось: «...выдающееся высокое положение при дворе граф сохранил и при ныне царствующем государе. Очень прост в обращении и очень прямолинеен в речах»¹.

Подчеркнутая близость ко двору и тесные взаимоотношения со вдовствующей императрицей Марией Федоровной и со многими членами императорской фамилии позволяли Шереметеву на правах друга семьи иметь частые аудиенции у государя. В царствование Николая II Шереметев намеревался занять при нем место если не советника, то, во всяком случае, доверенного лица. Этого граф пытался добиться в самом начале царствования, когда ему казалось, что государь из-за неопытности или недостаточной уверенности в себе нуждается в поддержке друзей отца. Тогда ему не удалось осуществить эту комбинацию. Однако, не получив желаемой роли наставника, он сохранил близость к царской семье. Можно сказать, что его роль ограничилась функциями хранителя памяти и заветов Александра III, т.е. образа старой, «умиротворенной» во всех отношениях России, которая при новом царе стремительно менялась, становясь все менее умиротворенной и все более конфликтной.

Примечательно наблюдение, сделанное историком-византистом Н.П. Кондаковым, о взаимоотношениях Шереметева и Николая II: «Неожиданная смерть Александра III дала, очевидно, основной мотив дальнейшему существованию графа. Император Николай II, по вступлении на престол, тотчас же попросил Шереметева продолжать близкие отношения к нему самому и к его семье, но, видимо, опасался или даже прямо не хотел предложить ему какой бы то ни

¹ Придворные силуэты // Петербургская газета. 1907. 19 декабря.

было руководящий пост. Понимая, однако, по-своему роль приближенных к нему людей, он искал постоянно сам связей с Шереметевым, приглашал его к себе бывать без вызова, спрашивая его мнения о ходе дел, а может быть, и о роли государственных лиц»².

Среди исследователей бытует мнение о влиянии Шереметева на Николая II. Так, на аудиенциях «граф мог при случае высказать свои соображения и пожелания по тем или иным политическим вопросам»³. Нередко современники упоминали об участии Шереметева в делах, связанных с принятием кадровых решений, а именно с выбором кандидатов на высшие государственные должности, или же с деятельностью политических кружков и объединений. В воспоминаниях Н.А. Энгельгардта описан инцидент с неудачной попыткой министра внутренних дел В.К. Плеве закрыть «Русское собрание». Тогда Шереметев якобы намеренно передал главе МВД сочувственный отзыв государя о том, что «Русское собрание» полезное явление и нужное обществу⁴. Если верить мемуаристу, то Плеве после разговора с графом пересмотрел свое решение и кроме того выразил желание баллотироваться в число его членов. Насколько упомянутый эпизод в воспоминаниях Энгельгардта является правдоподобным — это отдельный вопрос, однако граф никогда не бравировал своим положением при дворе, тем более не пересказывал содержания аудиенций или разговоров с государем. Сам факт распространения подобных историй или же настойчивых слухов о близости Шереметева к С.Ю. Витте и И.И. Воронцову-Дашкову, которых патронировала вдовствующая императрица Мария Федоровна⁵, свидетельствовал о высоком и влиятельном положении вельможи.

Шереметев довольно часто бывал на аудиенциях у Николая II и, судя по дневникам графа, таких аудиенций за все годы их личного общения в 1895–1915 гг. было порядка ста⁶. Каждая аудиенция подробно фиксировалась и описывалась в дневнике графа. Обладая

² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. М., 2002. С. 177.

³ Стогов Д.И. Человек, соединивший старую Святую Русь с современной Россией. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) // Правая Россия. Жизнеописание монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб., 2015. С. 381.

⁴ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни. Воспоминания / Публ. С.В. Шумихин // Минувшее. СПб., 1998. С. 41.

⁵ Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянов. СПб., 2009. С. 68–69.

⁶ Эти аудиенции лишь фрагментарно рассматривались исследователями. Из последних работ см., например: Русин Д.О. «Пока не будет настоящего министра внутренних дел — не будет направления твердого. Это корень всего зла». Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 41–61.

цепкой памятью, внимательностью к деталям, особенно касавшимся намеков, оттенков настроения императора, автор описывал аудиенцию, стараясь как можно полнее представить каждый эпизод. В описании аудиенций нередко встречаются характеристики деталей интерьеров кабинета или одежды монарха. Та или иная упомянутая деталь косвенно отражала также и настроение или отношение самого Сергея Дмитриевича. При описании одной из аудиенций он не без раздражения отметил так называемый костюмный вопрос, когда император принимал его в красной рубахе — такие рубахи являлись частью формы батальона Императорской фамилии лейб-гвардии 4-го Стрелкового полка⁷.

Событийная точность дневника подтверждается камер-фурьерскими журналами, в которых отмечались дата, время и продолжительность приема, последовательность докладчиков или очередность представления государю⁸. Император не вызывал графа, инициатором встречи всегда выступал Сергей Дмитриевич, который накануне отправлял письмо или телеграмму, где просил назначить ему прием, с указанием конкретного дела или вопроса, в крайне редких случаях он приезжал в царскую резиденцию без предупреждения и уже через камердинера или скорохода просил государя его принять. Император всегда оперативно реагировал на письма Шереметева и в ответном послании указывал день и время. Не было случая, когда Николай II проигнорировал бы просьбу или отказал бы в приеме. Аудиенции проходили в апартаментах Николая II — в Готической библиотеке Зимнего дворца, которую Шереметев называл кабинетом императора, а чаще всего — в Александровском дворце Царского Села, в старом рабочем кабинете. Несколько аудиенций, состоявшихся в Петергофе, скорее, являлись исключением из привычного сценария встреч.

Сложно говорить о регулярности аудиенций. Были годы (1899, 1900, 1901, 1902), когда они были частыми, почти ежемесячными. И совсем редко аудиенции происходили в военное время — по вполне понятным объективным причинам.

Политика активно и резко вторгалась в private беседы. Первым пробным шаром в этом смысле — причем шаром, умышленно брошенным Шереметевым, — стало выражение графом недовольства курсом министра внутренних дел И.Л. Горемыкина по поводу так называемого дела П.Д. Ахлестешева, тверского губернатора, у которого произошел конфликт с местным земством, и в связи с

⁷ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5051. Л. 43.

⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (219/2728). Д. 1–41.

этим в столице стал циркулировать слух о его скорой отставке⁹. Зачинщиком скандала и конструктором интриги Шереметев считал исключительно министра. Дело Ахлестышева представлялось следствием и результатом неправильно выбранного направления в политике Горемыкина. Вот как Сергей Дмитриевич зафиксировал в дневнике высказанные тогда императору претензии: «От частного тверского — я перешел к общему положению: говорил о существовании лицемерных исполнителей в высших сферах — о сознательном движении в пользу того, чтобы сбить уверенность в непоколебимости царских слов — о негодности в прав[ительственных] сферах, о стремлении затушевать ц[арствование] Александра III и о подчеркивании возврата (к Александру II. — О.Б.), к тому направлению, которое нас привело к... тут я остановился. Говорил о систематическом сведении на нет ц[арствования] Александра III, об конституциях, будто и мнение государя по этому пункту — изменилось»¹⁰. Этот доверительный разговор закончился предложением государя «приходить во всякое время»: «Для вас у меня всегда будут двери настежь!»¹¹. Спустя некоторое время это предложение было подкреплено еще одним характерным замечанием: «И вообще по этому и по другим вопросам прошу всегда обращаться ко мне прямо, без всяких посредников!»¹².

На следующих аудиенциях дело Ахлестышева уже не поднималось, и политическая тема фактически сошла на нет. Но она неизбежно всякий раз всплывала, когда возникал тот или иной кадровый вопрос — отставки или назначения ключевых фигур высшей бюрократии, однако тогда собеседники обсуждали не столько настроения, связанные с конкретными личностями, сколько именно оценки и характеристики таких личностей. Так было в 1902 г., когда произошло убийство министра внутренних дел Сипягина, которое император воспринял как личную трагедию. Эмоциональное объяснение между Николаем и Шереметевым, казалось бы, должно было способствовать их сближению, тем более что убитый приходился графу родственником¹³. Вот как Шереметев изложил в дневнике со-

⁹ См.: Андреев Д.А. «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Российская история. 2020. № 1. С. 37–50; Он же. Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 6. С. 60–75.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5041. Л. 153.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 5042. Л. 54.

¹³ Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 109.

стоявшийся тогда между ним и государем разговор. «Никто мне его не заменит!» — сказал государь возбужденным голосом, и мы невольно переглянулись взволнованно. Тогда я заговорил о нем — о его значении, о его врагах — сказал, что не враги снизу — главные, а враги сверху — враги чиновные и сановные — и около него же, гов[орил] о силе давней известной мне интриги, во главе кот[орой] всегда стоял Муравьев, м[инистр] ю[стиции,] гов[орил] о его, то есть Муравьева, дружбе с герм[анским] и[мператором], что напрасно ему доверяют, что этот человек неверный и коварный — хотевший сам быть м[инистром] в[нутренних] д[ел]... «И не будет он ним никогда!» — воскликнул государь»¹⁴.

Как уже отмечалось, стремление Шереметева в начале царствования Николая II занять место его советника на правах соратника отца не было реализовано из-за разницы в подходах по многим вопросам внутривластной жизни. Оставшиеся регулярными аудиенции принимали всё более формальный характер с отсылками к событиям прошлого, которые могли бы прочитываться как аналогии текущего момента. Собеседники всё чаще обсуждали ход дел в различных научных обществах, находившихся под покровительством императора и курировавшихся Шереметевым. На последующих аудиенциях поднимались различные вопросы, в основном касавшиеся деятельности уже исторических обществ.

Например, Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, издание сборника «Старина и новизна» — это значительный сюжет в аудиенциях. Шереметев докладывал о ходе формирования общества, его деятельности, публикациях. На страницах сборника печатались материалы из личных архивов Дома Романовых. Просьба или получение согласия на обнародование того или иного документа всегда испрашивались лично. Неоднократно Шереметев просил помочь ему ознакомиться с отдельными материалами из государственного архива, например, в связи с историей установления авторства «Гаврилиады».

Шереметев лично дарил вышедшие сборники «Старины и новизны» государю, тот обязательно просматривал каждую книгу, задавал вопросы, уточнял, интересовался авторами. Вообще, книжные подарки становились часто поводом для аудиенций, в которые вплетались и текущие дела: то граф обращался с просьбами помочь вдове историка К.Н. Бестужева-Рюмина, то ходатайствовал о пенсии педагогу и просветителю С.А. Рачинскому, то просил оказать поддержку в издании сочинений писателя и актера И.Ф. Горбунова

¹⁴ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5047. Л. 45.

или посодействовать в назначении в Государственный совет — как, например, было в случае с его приятелем помещиком А.К. Варженевским. Финансовая поддержка оказывалась из личных средств императора, ходатайства о должностях решались дольше. Иногда, используя свое высокое положение, Шереметев старался выступать проводником правды, истинного положения дел, пытался раскрывать глаза монарху на злоупотребления и интриги, как это было в истории с Придворной певческой капеллой и назначением ее руководителем музыковеда С.В. Смоленского¹⁵.

Русское историческое общество также находилось в центре внимания на аудиенциях и не раз становилось предметом разговора: сначала это было связано с возобновлением деятельности общества, а потом с обсуждением его заседаний, тем более что они могли сопровождаться резонансными скандалами, как, например, в феврале 1899 г., во время чтения доклада ректора Петербургского университета В.И. Сергеевича об Уложенной комиссии Екатерины II. Вот как об этом по свежим следам события записал в дневнике Шереметев: «...чтение Сергеевича по поводу екатер[ининской] ком[иссии,] но в сущности “лекция” поучительная царю — что понятие “Божиею милостию” устарело — глумление над Екатериною и комиссиею и невольное обвинение дворянства и сословного строя. Верх бесстыдства и неприличия. Государя, видимо, коробило: он переглядывался очень выразительно с в[еликими] к[нязьями] Владимиром и Конст[антином] К[онстантиновичем] — и со мною, почти все время, видимо, следя за впечатлением. Затем чтение Шильдера, медоточивое, но с ядом, глумление над Ник[олаем] П[авловичем] и Паскевичем под кажущеюся похвалой. Затем по предл[ожению] Вл[адимира] Алекс[андровича] прочтены письма и [мператрицы] Марии Фед[оровны] к Александру I перед поездкою в Эрфурт и ответ Александра. Это единственно интересное чтение, достойное прис[утствия] государя. Тяжкое впечатление всего. Пассивность прилипчива, и здесь она сказалась. Но убежден, что впечатление на гос[ударя] чтение Сергеевича произвело отрицательное. <...> Чувствуется во всем заседании опять работа сложной интриги антимонархической и антидворянской. Половцов играет подлую роль»¹⁶.

Столь резкие высказывание Шереметева в адрес председателя Русского исторического общества А.А. Половцова имели определенный подтекст, а отношения обоих — давнюю историю. Граф считал бывшего государственного секретаря выскочкой, человеком, который выгодно женился на воспитаннице барона А.Л. Штиглица, а

¹⁵ Там же. Д. 5042. Л. 103.

¹⁶ Там же. Д. 5045. Л. 41–41 об.

затем «очень благоразумно и умно пристроился к князю П.А. Вяземскому» при организации Русского исторического общества. Стоит ли удивляться тому, что Половцов в своем дневнике отреагировал на состоявшееся заседание противоположным образом: «На этот раз заседание не проходит без маленького столкновения — первого в тридцатитрехлетнее существование общества. <...> По окончании доклада (Сергеевича) Бартенев весьма громко и бесцеремонно сказал: “Это не история. Если это напечатать в газетах, то все это раскритикуют”. Я немедленно попросил государя предоставить Шильдеру порученное ему чтение»¹⁷.

Столь разнящиеся оценки — закономерный результат резко отличавшихся друг от друга политических взглядов Половцова и Шереметева. Для Шереметева Половцов — прежде всего «представитель либерального бюрократического новшества, человек без преданий, без идеалов, чуждый всему русскому, непонятым путем занял то положение, которым пользовался лишь отрицательно». Поразному они оценивали и царствование Александра III. Шереметеву оно представлялось временем расцвета народного самосознания, воплощением русского идеала, которому полностью соответствовал и сам император. «Царствование Александра III отошло далеко, — сетовал он 22 июля 1905 г. — Все сделано, чтобы его свести на нет. Если в чем есть последовательность, так это в вытравливании духа прошлого царствования, выбор людей особо Александру III не сочувственных, общая перемена его направления. Вот до чего дожили в это несчастное царствование, никакой уверенности в следующем дне. Самодержавие без самодержца»¹⁸. Половцов же в 1906 г., напротив, с горечью осуждал политику Александра III, который, «будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает». Более того, «сына своего не воспитал, так что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур продолжал действовать в их смысле, что не могло не привести нас к теперешнему положению»¹⁹.

Интересно посмотреть, как это нашумевшее выступление Сергеевича на заседании Русского исторического общества обсуждалось затем на аудиенции Шереметева у Николая, состоявшейся вскоре. Из дневника Сергея Дмитриевича вырисовывается следующая картина: «Затем я сам спросил его о впечатлении заседания Исторического общества. Гос[ударь]: “Да, а я именно хотел вас о том спросить?”

¹⁷ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / Сост., коммент., вступ. ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 230–231.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5050. Л. 79.

¹⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С. 532.

Я сказал, что меня удивила речь Сергеевича, что нашел ее неудобной, пристрастной, краски сгущенными — и освещ[ение] одностороннее. Гос[ударь] с этим согласился и упомянул о выходке Бартенева. Я сказал, что выходка была неуместна <...> что чувство неудовольствия было естественно, причем сослался на мнение Л.Н. Майкова, удивлявшегося тому, что Сергеевич читал, как будто вовсе не знакомый с предметом. Вообще, добавил я, ему как ректору не время было выступать. Гос[ударь]: “Да, он лучше бы молчал”, — и улыбнулся. Потом переспросил — он не ректор, т[ак] к[ак] ему сказали, что это его брат. Я подтвердил, что он ректор — а что брат у него есть ли в Москве. Странно, что государю не сказали, что Сергеевич — ректор. Потом я добавил, что хотя труды комиссии изданы Поленовым и затем Сергеевичем, но остались неизданными труды предварительных совещаний, предшествовавших — и затронувших нек[оторые] вопросы, кот[орые] в самую комиссию не проникли. Тут я лично заинтересован, прод[олжал] я, т[ак] к[ак] имею данные полагать, что прадед мой в одной из этих подкомиссий предложил освободить своих крестьян! Госуд[арь] этого не знал и сказал: “Та же мысль была и при Александре I”. Я продолжал, что для обобщения нужно полное освещение документов — а не односторонний и пристрастный взгляд. Гос[ударь] заметил, что в особенности по вопросу о “словах”, и продолжал перебирать эпизоды перебранки Половцова с Бартевым. — Тогда я сказал, что перебранка с двух сторон была неприлична, и добавил, что то, что происходило на глазах в[ашего] в[еличества], — только отголосок других побочных счетов между ними, проникнувших в печать, — и сообщил, что обвинение в пропаже док[ументов] Ус[пенского] собора отрицается Половцовым. Вообще, — сказал я, — это почти общее явление: те пререкания, кот[орые] иногда сквозят и перед в[ашим] в[еличеством и] имеют всегда другую личную основу, в большинстве случаев сокровенную, которая и не может дойти до государя, но кот[орая] и составляет причину побуждения к личным счетам, пробивающимся наружу, — и что это явление, к сожалению, встречается очень часто. Государь понял мой намек — и с этим согласился»²⁰.

Иконописный комитет, с инициативой создания которого выступил Шереметев, также был предметом разговоров на многих аудиенциях. В беседах очень подробно обсуждались детали устава, подчиненности, сферы деятельности учреждения, источники финансирования, положение иконописного промысла и связанных с ним иконописных мастерских. Шереметев устроил императору встречу

²⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5045. Л. 47.

и знакомство с видным ученым-византинистом и специалистом в иконописи Н.П. Кондаковым, информировал о подготовке к изданию Лицевого свода. Вообще этот сюжет об Иконописном комитете представляет государя как знатока и ценителя икон. На одной из аудиенций (такого никогда не происходило ни с одним из представлявшихся или докладчиков) Николай пригласил графа в личные покои Зимнего дворца. «Я хочу вам показать иконы», — и вышел из кабинета во внутреннюю дверь. Я пошел за ним и впервые проникнул — за кабинет, — прошел две небольших комнаты, — мимо внутренней лестницы, и попал в узкую, угловую комнату, где на креслах лежали иконы. Он стал их показывать, как бы желая знать мое мнение. Тут были дерев[янные] изобр[ажения] Николы Можайского — и складень, кот[орый], по словам его, принадлежал кн[язю] Дадриану — и сост[авлял] его семейную святыню. Я недоумевал, почему она оказалась у государя... и сказал, что вообще не считаю себя тонким знатоком икон — но думаю, что нек[оторые] из них имеют интерес»²¹. В другой раз Николай поделился с Шереметевым, что собирает коллекцию нательных крестов. Граф был поражен и обескуражен вниманием и открытостью собеседника. «Пожалуйста, навещайте меня!» — (кажется, «почаще» — но, наверное, не помню). Эту фразу я уже слышал, и на нее можно было ответить только несколько недоуменным поклоном. <...> Для меня это натура загадочная»²².

Однако подобная «загадочность» явилась для контактов графа с императором фактором скорее не положительным, а отрицательным: в отличие от Шереметева, прямолинейного и всегда последовательно скептического в отношении современной ему эпохи — на фоне своего рода «золотого века», каким ему представлялось царствование Александра III, — Николай II был не менее предсказуемым, но уже именно как реалист, как человек нового века, вынужденный заниматься практической политикой, подбирать людей на разные должности, выстраивать те или иные шаткие ситуативные консенсусы. Это казалось Сергею Дмитриевичу вопиющим проявлением непоследовательности царя или подверженности его чужим влияниям. В этом смысле «консервативный романтизм» графа — как бы чистый, незамутненный, эталонный — сталкивался с иным изводом «консервативного романтизма», гораздо более привязанного к земным реалиям, но, вместе с тем, именно в своей идеальной составляющей сводившегося также к персоне покойного государя, — извода ничуть не менее эталонного, нежели у Шереметева.

²¹ Там же. Д. 5048. Л. 7.

²² Там же.

Список литературы

Андреев Д.А. «Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II // Российская история. 2020. № 1. С. 37–50.

Андреев Д.А. Тверской губернатор П.Д. Ахлестышев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин: противостояние по вопросу о земстве в 1896–1897 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 6. С. 60–75.

Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7. С. 108–111.

Русин Д.О. «Пока не будет настоящего министра внутренних дел — не будет направления твердого. Это корень всего зла». Политика первых лет царствования Николая II на страницах дневника графа Шереметева // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 41–61.

Стогов Д.И. Человек, соединивший старую Святую Русь с современной Россией. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) // Правая Россия. Жизнеописания монархистов начала XX века / Сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское дело; Русская народная линия, 2015. С. 536–547.

Поступила в редакцию
10 февраля 2022 г.